

обстоятельства места, которое может сочетаться с глаголами движения, пребывания: «Чувствуется самое главное: к тебе здесь – со всей душой» («Беларусь сегодня»), «Пункт адпраўлення ў вандроўку па месцах, дзе выступалі народныя артысты, – круглая тумба з тэатральнымі афішамі пачатку мінулага стагоддзя» («Настаўніцкая газета»).

Таким образом можно сделать вывод, что контекстуально обусловленные синтаксические конструкции представляют собой активно развивающуюся часть структурного синтаксиса и все больше проникает в публицистический текст. Это явление актуально как для русского, так и для белорусского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боярченко, Э.П. Сочетаемость слов и синтаксическая структура неполного предложения // Способы и средства связи языковых единиц в тексте: Сб. науч. тр. / Курский гос. пед. ин-т; Отв. ред. Э.П. Боярченко. – Курск, 1986. – С. 12–22.

2. Золотова, Г.А. О характере взаимодействия синтаксиса и семантики: Лексикографические аспекты // Словарные категории. – Москва, 1988. – 439 с.

3. Попова, И.А. Неполные предложения в современном русском языке // Труды АН СССР, Ин-т языкознания; Отв. ред. В.В. Виноградов. – Москва, 1953. – Т.2. – С. 3–136

4. Чайка, Н.В. Эллиптические конструкции как одно из средств номинации // Языковая номинация. Тезисы докладов международной научной конференции. – Минск, 1996. – С. 113–116.

УДК 81`221.7

А.А. Алексеенко, асп.
(БГПУ им. Максима Танка, г. Минск)

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ТАКТИЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В течение долгого времени исследования невербального поведения человека велись в рамках различных областей знания: биологии, антропологии, философии, психологии, лингвистики, теории коммуникации и т.д. Накопленный объем данных был обобщен с зарождением новой науки – невербальной семиотики, задачей которой является описание «невербальных аспектов человеческого поведения в ситуации коммуникативного

взаимодействия и проблем соотношения невербальных языковых кодов с естественным языком» [1, с. 6].

Невербальная семиотика занимается изучением звуковых кодов невербальной коммуникации, жестовых систем, языка глаз, запахов, времени и пространства коммуникации и т. д. В нашем исследовании мы уделим внимание одной из частных подсистем невербальной семиотики – гаптике, которая исследует язык касаний и тактильную коммуникацию. Несмотря на значительное число исследований, посвященных различным аспектам невербальной коммуникации (работы В. Биркенбил [2], М. Нэппа [3], Г.Е. Крейдлина [1], А.А. Акишиной [4], В.А. Лабунской [5] и др.), неразработанными остаются многие вопросы, касающиеся тактильной коммуникации и, в частности, языковой репрезентации тактильного коммуникативного поведения личности. Тактильная коммуникация подразумевает прямой физический контакт (прикосновение, похлопывание, поглаживание, рукопожатие, поцелуй, объятие и т.п.). Именно осязание становится одним из первых каналов коммуникации, доступных маленькому ребенку сразу после рождения. Как показывают исследования, развитие тактильных ощущений у младенцев тесно связано с развитием других каналов восприятия – зрения и слуха. «Ранний тактильный опыт имеет решающее значение для последующей ментальной и эмоциональной адаптации» [3, с. 301]. Через прикосновения ребенок не только познает окружающий мир, формирует представление о положении в пространстве, но и воспринимает эмоциональное воздействие, физическую близость, ощущает психофизиологический комфорт.

При интерпретации семантики прикосновений учитываются такие факторы, как частота, продолжительность, степень интенсивности касания, место его приложения и др. Использование того или иного прикосновения в качестве коммуникативно значимого всегда обусловлено конкретной ситуацией взаимодействия индивидов и призвано компенсировать смысловую недостаточность компонентов сообщения, оформленных вербально. При этом невербальные элементы нередко выполняют функции, схожие с функциями, присущими естественному языку: фатическую (контактоустанавливающую) или эмоционально-экспрессивную (выражение эмоциональных отношений).

Г.Е. Крейдлин в своих исследованиях выделяет следующие функции касаний в акте коммуникации: выражение дружбы, участия, заботы; отражение интимного отношения; установление контакта, привлечение внимания; отражение доминантного положения на некоторой социальной шкале [1].

Рассмотрим некоторые особенности языковой репрезентации тактильного коммуникативного поведения на примерах из произведений А.П. Чехова. Так, в рассказе «Припадок» тактильное коммуникативное поведение персонажей репрезентируется следующими лексическими единицами: *взял Васильева за плечи и прижался к его щеке мокрыми холодными усами; сказал плачущим голосом художник, прижимаясь к Васильеву; поцеловал его в шею; хорошо бы потрогать этого лакея за волосы; сказал он, дернув художника за рукав; коснулся пальцем золотой бахромы на косынке.* Как мы видим, в качестве единиц, содержащих в семантике указание на невербальный акт касания, выступают чаще всего глаголы и глагольные формы (деепричастия). Все приведенные примеры обозначают контакт с телом другого человека (*прижиматься, взять за плечи, поцеловать, потрогать*) или предметом одежды (*дернуть, коснуться*). При этом вовлеченным в акт касания может быть как всё тело инициатора касания (*прижиматься*), так и определенная часть тела: руки (*взять за плечи, потрогать*), губы (*поцеловать, прижаться усами*). В качестве места приложения касания также выступают разные части тела собеседника: щека (*прижаться усами*), шея (*поцеловать*), плечи (*взять за плечи*), волосы (*потрогать*), весь корпус (*прижиматься*). Следует отметить, что в примерах, описывающих непосредственный контакт с телом другого человека (*прижиматься, взять за плечи, поцеловать, потрогать*), речь идет о близких отношениях между участниками коммуникации, их стремлении выразить другу сочувствие, поддержку. С другой стороны, в случае опосредованного контакта (контакта с предметом одежды) невербальные тактильные проявления являются частью коммуникативного взаимодействия малознакомых людей (*коснуться пальцем*) либо используются коммуникантами для привлечения внимания (*дернуть за рукав*). При этом на характер межличностных отношений в определенной мере указывает также степень интенсивности контакта. Сравним использование глаголов *коснуться*, передающего низкую интенсивность касания при первом знакомстве с девушкой, и *дернуть*, отражающего бóльшую силу воздействия на объект в ситуации привлечения внимания хорошо знакомого человека.

Различное смысловое наполнение (в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации) получает в произведениях А.П. Чехова и распространенный жест рукопожатия. Например, в рассказе «Толстый и тонкий», где описывается встреча бывших школьных приятелей, этот жест приобретает особое значение в раскрытии характера персонажей. Диалогическое взаимодействие начинается с позиции равных по статусу коммуникантов, что находит отражение не только в

речевом оформлении высказываний собеседников, но и на уровне их невербального поведения: «*приятели троекратно облобызались*». Употребленный автором глагол взаимно-возвратного значения «*облобызаться*» означает, что действие произведено двумя субъектами, каждый из которых в то же время выступает и объектом этого действия. В русской культурной традиции троекратное целование – это «выражение тёплого дружеского чувства при приветствии» [4, с. 38].

Завершают коммуникативный акт герои Чехова уже в статусе социально неравных индивидов. Толстый, занимающее доминантное положение на социальной лестнице, выступает инициатором тактильного взаимодействия: «*он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку*». Тонкий, обладающий более низким статусом, «*пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал*». Как отмечается в лингвострановедческом словаре «Жесты и мимика в русской речи», такое касание «выражает ... униженность, заискивание того, кто пожимает пальцы, а не всю руку» [4, с. 58]. Таким образом, инициатива в касании, а также площадь участка, охватываемого касанием, напрямую связана с социальным статусом участников коммуникативного взаимодействия.

В рассказе «Бабы» жест рукопожатия использован в ситуации примирения героев: «*Я, говорит, прощаю, Матюша, и тебя, и жену, бог с вами...» Руку мне подал, чайку попил и ушел веселый*». В другом контексте это тактильное проявление встречается в рассказе «Княгиня», где один из персонажей обвиняет Веру Гавриловну в нелюбви к людям: «*в вашем кабинете не подают человеку руки и не просят его садиться, точно так, как сейчас вы не подали мне руки и не пригласили сесть...*». В данном случае рукопожатие представляется важным проявлением этикетных норм, знаком уважения другого человека, признания его достоинства.

Особый интерес эти примеры представляют собой в аспекте культурной традиции. В ситуации примирения инициатором касания выступает тот, кто прощает виновного. Во втором случае инициатива тактильного контакта должна исходить от княгини, обладающей более высоким положением в обществе, чтобы отразить ее расположение, благосклонное отношение к людям.

Таким образом, всестороннее изучение невербальных коммуникативных проявлений и, в частности, тактильного поведения индивидов является необходимым условием целостного восприятия и правильного понимания коммуникативного акта. При интерпретации семантики языковых единиц, репрезентирующих тактильное поведение, необходимо учитывать целый ряд факторов: социальный контекст, характер межличностных отношений коммуникантов,

способ и место касания и др. В контексте русской невербальной культуры значимой представляется информация об инициаторе прикосновения, психоэмоциональном состоянии адресата касания, особенностях их взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

2. Биркенбил, В. Язык интонации, мимики, жестов / В. Биркенбил. – СПб.: Питер-пресс, 1997. – 224 с.

3. Нэпп, М. Невербальное общение. Полное руководство / М. Нэпп, Дж. Холл. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. – 512 с.

4. Акишина, А.А. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь / А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина. – М.: Русский язык, 1991. – 144 с.

5. Лабунская, В.А. Невербальное поведение: Социально-перцептивный подход / В.А. Лабунская. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. университета, 1986. – 135 с.

УДК [82-21:821.14'02]Софокл

Е.В. Гранкина, доц., канд. филол. наук
(БГПУ, г. Минск)

ПАРАДОКСЫ СУДЬБЫ В ТРАГЕДИИ СОФОКЛА «ЦАРЬ ЭДИП»

Древнегреческий драматург Софокл входит в триаду классиков античной трагедии. Творчество Эсхила, Софокла и Еврипида знаменует собой расцвет «золотого века» литературы Древней Греции. Разделенное небольшим хронологическим промежутком, оно отразило эволюцию не только древнегреческой трагедии, но и мировоззрения.

Трагедия Софокла «Царь Эдип», к слову, не пользовавшаяся большой любовью у афинян (известно, что победителем в театральных состязаниях с «Царем Эдипом» Софокл не стал), была поставлена между 429 и 425 годами до нашей эры. Восторженно принятая Аристотелем, трагедия считается одним из лучших образцов драматургического искусства античности. К ее художественному осмыслению и сценическому воплощению обращаются и сегодня. Например, «Эдип» на сцене Национального академического драматического театра имени М. Горького (г. Минск) в постановке Б. Луценко пользуется неизменным зрительским успехом.